

В сумерках над Юйляном — имперской столицей и самым процветающим городом королевства Цюй — один за другим зажигались фонари. Ночной мрак не приносил покоя: двери трактиров и винных лавок оставались распахнутыми настежь, привлекая толпы гостей ярким светом и шумом безудержного веселья. Благородные господа в роскошных шелках, шумно смеясь и перебрасываясь колкостями, неспешно направлялись в сторону увеселительных кварталов, откуда тянуло сладкими ароматами орхидей и корицы. К тому же в эти дни столица праздновала народный праздник трех османтусов. На дверях каждого дома покачивались изящные расписные фонари с бегущими тенями, а по водам Багряной реки беспрестанно сновали нарядные прогулочные лодки, разукрашенные разноцветными огнями.

На фоне этого праздничного ликования одинокая фигура выглядела чуждой и нелепой. Юноша в простом синем халате из грубой холстины брел сквозь толпу, понутив голову. Случайные прохожие то и дело толкали его плечом, заставляя покачиваться, но он даже не поднимал глаз, продолжая бесцельно двигаться вперед.

«Почему?»

Цин И не помнил, как покинул Поместье принца Чжао и оказался на шумной улице. Им двигало одно-единственное желание — бежать. Прочь из павильона Чистого Душистого Трутника, подальше от этого места. Он метался по запутанным переходам усадьбы, пока не наткнулся на приоткрытую калитку, у которой почему-то не оказалось стражи. Повинуясь неведомому порыву, он шагнул наружу. Лишь теперь Цин И понял, что то был черный ход: туда как раз привезли какой-то товар, и слуга, принимавший узлы, отлучился в дом. По чистой случайности уход беглеца остался незамеченным.

«Почему всё так?»

Кто-то снова задел его плечом, буркнув под нос ругательство, но Цин И не обратил внимания. Все его мысли занимало то, что произошло в поместье.

«Я ведь просто хотел жить тихо и спокойно. Прекрасно знаю, что этот мир мне чужой, но я изо всех сил пытался приспособиться... изо всех сил! Да, было невыносимо одиноко, сердце разрывалось от тоски по близким, но Цин Хао всегда говорил мне улыбаться, несмотря ни на что. Так почему же вы не оставите меня в покое? Зачем срывать эту маску? Неужели вам так весело копаться в чужих тайнах?»

Возвращаться назад Цин И не собирался.

В то мгновение, когда чашка выскользнула из его пальцев и со звоном разбилась, Цин И показалось, будто весь мир в одночасье узнал правду. Узнал, что он — самозванец. Лжец, укравший тело Е Юаня. Праздный гомон толпы теперь казался ему издевательским хохотом, свистом и улюлюканьем за спиной. Окруженный морем людей, Цин И чувствовал себя выброшенным на самый край чужого, враждебного мира. Словно время повернуло вспять, вновь погрузив его в ту беспросветную трехлетнюю тьму, где приходилось бороться за жизнь в полном одиночестве. Но тогда, как бы ни было тяжело, за тысячи ли от него оставался Цин Хао

— они могли хотя бы изредка видаться. Здесь же не было никого. Совсем никого.

Вдруг сзади хлынул плотный людской поток. Прохожие возбужденно переговаривались, спеша в одном направлении, предвкушая какое-то зрелище. Подхваченный этой лавиной, Цин И помимо воли устремился вперед вместе со всеми.

Когда толпа наконец замерла, он обнаружил себя в плотном кольце разодетых щеголей, нетерпеливо обмахивающихся веерами. На фоне их кричащей роскоши его грубое холщовое одеяние выглядело вызывающе бедным.

Ему не было дела до происходящего. Цин И уже собрался протиснуться назад, но толпа внезапно взревела от восторга и хлынула вперед. Не успев уклониться, он сильно ударился о стену. Сжавшись и прикрыв голову руками, он кое-как выбрался из бурлящего водоворота людских тел и, отряхнув пыль с одежды, огляделся.

Перед ним возвышалось великолепное здание — судя по всему, элитная обитель утех. Массивные колонны, выкрашенные в глубокий терракотовый цвет, лоснились лаком и щеголяли искусной резьбой с изображениями диковинных птиц и цветов. Оконные переплеты из тонких бамбуковых решеток, имитирующих узоры морозных веток и плывущих облаков, были занавешены полупрозрачным ярким шелком. Повсюду — под карнизами и вдоль просторных галерей — покачивались изящные синие светильники под хрустальными колпаками. Воздух здесь был тяжелым, до приторности пропитанным пудрой, благовониями и дешевыми духами. На балюстрадах второго этажа, кокетливо изгибаясь, теснились девицы в полупрозрачных нарядах. Одни томно прикрывали лица шелковыми веерами, перешептываясь, другие со смехом заигрывали со стоящими рядом тучными господами. Внизу же, в просторном зале первого этажа, бурлила толпа жадных до утех мужчин, слетевшихся сюда, точно мухи на сладкое.

Цин И презрительно усмехнулся и уже занес ногу, чтобы навсегда покинуть это грязное место, как вдруг гомон в зале мгновенно стих. Раздался пронзительный, неестественно кокетливый женский голос:

— Почтенные господа! Порог моей обители высок, и одних лишь денег, чтобы перешагнуть его, сегодня будет мало.

— Полно тебе набивать цену, матушка! — выкрикнул кто-то из толпы. — Было бы серебро, а уж девка всегда найдется!

— Верно говорит молодой господин Цянь! — подхватил другой голос под общий хохот. — Слишком уж усердно ты бережешь свое сокровище. Конечно, дева Му Лю — первая красавица столицы, и в изящных искусствах ей уступают даже трое великих ученых мужей Юйляна. Но к чему этот напускной пафос?

— Вот именно! Мы пришли сюда, привлеченные ее славой. Прояви же уважение к нашему золоту! Хватит пустых разговоров, я даю триста лан!

— И не стыдно тебе, молодой господин Чжоу, открывать рот с такой жалкой суммой? — раздался насмешливый выкрик. — Ты что, равняешь деву Му Лю с девицей из Двора Благоуханных Клёнов, с которой путаешься? Я даю шестьсот лан!

— Ого, молодой господин Чжао расщедрился! Шестьсот лан! Смотри, как бы зубы от жадности не свело. Мое слово — тысяча лан ассигнациями золотого двора! Они принимаются во всех пяти государствах!

— Полторы тысячи!

— Тысяча восемьсот!

— Две тысячи!

— Тише, тише, господа! — замахала руками хозяйка заведения, сладко улыбаясь. — Матушка знает, что все вы люди почтенные и богатые, и каждый всем сердцем стремится к моей девочке. Но сегодня она вольна сама выбирать гостя. И никакое золото не поможет вам подняться на второй этаж, если на то не будет ее согласия. Но раз уж вы сошлись на том, что дева Му Лю стоит выше обычной плотской суеты, то почему бы не испытать судьбу? Тому, кто окажется избранником, эта ночь не обойдется ни в единый взнь.

В толпе пробежал удивленный шепот:

— Неужели? Вот так новость!

— Что ж, мы люди просвещенные! Было бы позором отступить перед загадкой девы Му Лю. Пусть нас не считают неучами!

— Верно! Говори свою загадку, матушка!

— Ну хорошо, — хозяйка жеманно поклонилась. — Раз никто не против, я возьму на себя смелость озвучить вопрос моей девочки. Слушайте внимательно: у богатого хозяина в загоне шестьдесят пять коров и сорок две овцы. Вопрос: сколько лет его старшему сыну?

Едва прозвучали эти слова, как спесь с напыщенных франтов мигом слетела. В зале повисло недоуменное молчание. Наконец один из них, важно покачивая головой, выдал:

— Задача на удивление проста! Старшему сыну двадцать три года. Ибо если из шестидесяти пяти вычесть сорок два, останется ровно двадцать три.

— Хм, загадка действительно с подвохом, — подал голос другой. — Не может же ему быть сто шесть лет, если сложить шестьдесят пять и сорок два? Стало быть, правильный ответ —

двадцать три. Похоже, молодой господин Цянь успел первым!

— Да уж, странная задача. Но раз ее загадала сама Му Лю, в ней непременно кроется глубокий смысл.

— Согласен! Главное — дать ответ, иначе к ней даже близко не подпустят.

— Мой ответ тоже двадцать три! Раз уж все сошлись на этом, посмотрим, кого выберет дева Му Лю!

— И то верно!

Пока в зале разгорался этот нелепый спор, из темного угла у самого входа вдруг донесся громкий, безудержный хохот. Цин И, который уже занес ногу над порогом, не выдержал. Слушая, с каким самодовольным видом эти напыщенные дураки быются над бессмысленной белибердой, он согнулся пополам от смеха:

— Ну и стадо идиотов!

Шум мгновенно смолк. Все взоры обратились к дверям, где стоял хохочущий юноша.

— Что ты сказал? — раздался возмущенный ропот.

— Какая невоспитанная деревенщина!

— Поглядите на его лохмотья! Сразу видно — нищеврод без рода и племени.

— Наглец! Откуда у него столько дерзости?

— Является в приличное место и смеет раскрывать свой грязный рот!

Цин И смерил презрительным взглядом эту толпу разодетых ничтожеств и холодно процедил:

— Идиоты. Самовлюбленные, непроходимые идиоты.

— Да как ты смеешь?! — взвился один из щеголей. — Называть нас идиотами! Будто сам знаешь ответ? Неужто у тебя выйдет не двадцать три? Ха-ха-ха!

Окружающие франты дружно загоготали, поддерживая своего приятеля.

— Послушайте, молодой человек... — хозяйка заведения, покачивая пышными бедрами, неспешно подошла к нему. — С виду вы юноша благородный. Быть может, у вас есть свое, более изысканное решение?

— Решение? — Цин И насмешливо фыркнул. — Да ваша дева Му Лю просто держит вас за дураков. Она выставила на посмеище толпу напыщенных ослов дурацкой, абсолютно бессмысленной шуткой. А вы и рады стараться. Комедия, честное слово!

— Грубиян! — вспыхнула матушка. — Я думала, что под этой простой одеждой скрывается утонченный юноша с редкой красотой, а ты оказался обычным хамом! Моей девочке такой оборванец и даром не нужен!

— Сдается мне, у этого голодранца просто нет ни единого лана за душой! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Верно! Явился в Башню Лунной Красавицы в таком убогом виде, да еще и рот раззявил!

В зале снова грянул дружный хохот.

Цин И и без того было тошно, а лицемерие этих уродливых, самодовольных рож вызывало у него лишь глухое отвращение. Смерив их напоследок ледяным взглядом, он развернулся, чтобы уйти.

Но в этот момент со второго этажа донесся чистый, хрустальный девичий голос, заставивший всех замереть:

— Матушка, ты совсем не разбираешься в благородных гостях. Не смей проявлять к нему неуважение.

Цин И, уже сделавший шаг за порог, услышал, как за его спиной толпа франтов разразилась подобострастным гулом:

— Дева Му Лю!

— О, небесная дева Му Лю снизошла до нас!

— Я, сын богатейшего купца Цяня из столицы, счастлив лицезреть ваш лик! Теперь и умереть не жалко!

От этой слащавой лести Цин И едва не вывернуло наизнанку. Он прибавил шагу, мечтая поскорее оказаться как можно дальше от этого вертепа. Однако тот же мелодичный голос зазвучал прямо у него за спиной, совсем близко:

— Вы правы, господин. В этом мире так мало людей с чистой, незамутненной душой. Лишь вы один разгадали мою шутку.

Цин И не собирался останавливаться. Известно ведь, что здешние писанные красавицы высокомерны до абсурда. Он обернулся лишь с одной целью — осадить эту девицу, привыкшую купаться в лести похотливой толпы.

В судьбоносных встречах нет места случайности. Человек делает шаг навстречу предначертанному задолго до того, как оно свершится.

На пороге Башни Лунной Красавицы Цин И медленно повернул голову...

И этот единственный взгляд в мгновение ока уничтожил те жалкие крупницы душевных сил, что у него оставались. То, что он увидел, выходило за рамки обычного потрясения. Лицо его исказилось от непереносимого, дикого страха — он отказывался верить собственным глазам.

Перед ним стояла...

Фэй Юй?!?!

<http://bllate.org/book/20580/2149368>